

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России

СТРАНЫ И РЕГИОНЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Том 1
Страны Европы и Америки

Под редакцией
В. О. Печатнова, Д. В. Стрельцова

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2019

УДК 327
ББК 66.4
С83

Страны и регионы в мировой политике: Страны Европы и Америки:
С83 В двух томах. Том 1 / Под ред. В. О. Печатнова, Д. В. Стрельцова. — М.:
Издательство «Аспект Пресс», 2019. — 416 с.
ISBN 978–5–7567–1043–4 (общий)
ISBN 978–5–7567–1044–1 (т. 1)

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–1044–1 (т. 1) © Коллектив авторов, 2019
ISBN 978–5–7567–1043–4 (общий) © МГИМО МИД России, 2019
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2019

Учебное издание

СТРАНЫ И РЕГИОНЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Том 1. Страны Европы и Америки

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 26,0.

Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс».

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.

Тел.: 8 (495) 306-78-01, 306-83-71

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8 (499) 270-73-59

Оглавление

Введение. Западноцентричный миропорядок: вторая проверка на прочность . . .	4
Глава 1. США в мировой политике	18
1.1. Мировые позиции США	18
1.2. Инструменты американского влияния	27
1.3. Глобальная стратегия США	37
1.4. Региональные приоритеты политики США	44
Глава 2. Европейский союз в мировой политике	56
2.1. Особенности внешней политики ЕС	57
2.2. Направления внешней политики ЕС	62
2.3. География внешней политики	75
Глава 3. Трансатлантическое партнерство и его роль в мировой политике	100
3.1. Период холодной войны	101
3.2. Период постбиполярного мира	107
Глава 4. Страны западной и северной Европы в мировой политике	120
4.1. Федеративная республика Германия	120
4.2. Франция в мировой политике	154
4.3. Великобритания в мировой политике	187
4.4. Страны Северной Европы в мировой политике	224
Глава 5. Страны Южной Европы в мировой политике	242
5.1. Италия в мировой политике	242
5.2. Испания в мировой политике	271
Глава 6. Страны центральной и восточной Европы в мировой политике	293
6.1. История	294
6.2. Экономика	302
6.3. Регион на современном этапе	307
6.4. Внешняя политика	313
6.5. Отношения с Россией	317
6.6. Отношения с НАТО	320
Глава 7. Балканские страны в мировой политике	326
7.1. Роль балканских стран в международных отношениях до начала XXI века	326
7.2. Интеграция балканских стран в Европейский союз	330
7.3. Экономические позиции балканских стран	334
7.4. Балканские страны в измерении безопасности	340
7.5. Российское направление внешней политики балканских стран	346
Глава 8. Балтийский регион в мировой политике	358
8.1. История	359
8.2. Регион диспропорций	361
8.3. Регион сотрудничества	366
8.4. Регион безопасности?	371
Глава 9. Латинская Америка в мировой политике	380
9.1. История	380
9.2. Особенности отношений с Соединенными Штатами	383
9.3. Особенности экспансии Китая в регионе	395
9.4. Основные особенности взаимодействия с Западной Европой	404
9.5. Отношения с Россией	409
Сведения об авторах	416

ГЛАВА 2

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

До начала 1990-х годов Европейское экономическое сообщество не являлось субъектом международных отношений в классическом смысле слова. ЕЭС было единым актором в сфере торговой политики (исключительная компетенция институтов ЕЭС) и, наряду с государствами-членами, реализовывало отдельные программы в области содействия развитию. Премьер-министр Бельгии Марк Эйскенс в 1981 г. заметил: «Европа — это экономический гигант, политический карлик и, что еще хуже, просто червяк до тех пор, пока она не займется формированием своего оборонного потенциала».

Ситуация начала меняться с подписанием Маастрихтского договора 1992 г. На базе Европейских сообществ был создан Европейский союз, вторую опору которого составили Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) и Европейская политика безопасности и обороны (ЕПБО)¹. ОВПБ дополняет внешние политики государств-членов, ее предназначение — координировать действия стран ЕС на международной арене, формулировать единые для ЕС цели и добиваться их осуществления.

Внешняя политика ЕС осуществляется на основе межправительственного сотрудничества. Общность ценностей, экономическая взаимозависимость и схожесть геополитических интересов стран ЕС достаточны для определения общего внешнеполитического курса, но не всегда достаточны для выработки консенсусных решений по текущим вопросам.

2.1. Особенности внешней политики ЕС

Внешняя политика ЕС — это **политика на основе ценностей** (*value based policy*). Статья 21(1) Договора о ЕС констатирует, что деятельность ЕС на международной арене базируется на следующих принципах: «демократия, верховенство закона, универсальность и неделимость прав человека и основных свобод, уважение к человеческому достоинству, принципы равенства и солидарности, уважение к принципам Устава ООН и международного права».

Евросоюз «стремится продвигать во внешний мир» указанные принципы (ст. 21(1) ДЕС). Начиная с середины 1990-х годов во всех международных соглашениях ЕС с внешними партнерами указанные ценности позиционируются как существенные элементы двусторонних отношений. Впрочем, ценностные соображения зачастую вступают в противоречие с интересами Евросоюза или отдельных государств-членов. Бывают случаи, когда ЕС ставит интересы *realpolitik* выше ценностей.

Европейский союз является приверженцем **многосторонней дипломатии** и декларирует необходимость неукоснительного соблюдения международного права. Как правило, ЕС стремится максимально институализировать отношения со своими партнерами, создавая различные консультативные форматы, рабочие группы, диалоги и пр. Некоторые эксперты даже констатируют, что иногда для ЕС создание подобных структур имеет самостоятельную ценность независимо от эффективности их работы.

ЕС поддерживает центральную роль ООН в системе международных отношений и признает верховенство Совета Безопасности ООН в обеспечении международного мира и безопасности. Правда, речь идет лишь о коллективных действиях ЕС в рамках ОВПБ. Отдельные страны Евросоюза нередко действуют, пренебрегая прерогативами Совета Безопасности, как это произошло в ходе интервенции в Ираке или операции в Ливии.

Внешняя политика ЕС имеет очень сильную **экономическую составляющую**. Отчасти это объясняется историческими причинами, ведь вплоть до начала 1990-х годов отношения ЕЭС с третьими странами ограничивались торгово-экономическими вопросами. Но и сегодня Евросоюз гораздо более значим как субъект мировой экономики, нежели актор мировой политики. ЕС последовательно выступает за прогрессивную либерализацию международной торговли, что на брюссельском жаргоне именуется «содействие интеграции всех стран в мировую экономику». ЕС располагает комплексным инструментарием регули-

рования внешней торговли и эффективно отстаивает интересы европейского бизнеса.

Евросоюз последовательно **поддерживает процессы региональной интеграции** во всех уголках мира, развивая отношения с различными региональными организациями (АСЕАН, МЕРКОСУР, Андское сообщество, Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества, Африканский союз) и пытаясь передать им собственный опыт интеграционного строительства. При этом политика ЕС часто исходит из ошибочного понимания универсальности европейского опыта и его применимости в любых условиях. Лишь на постсоветском пространстве ЕС последовательно игнорирует все интеграционные проекты, поскольку они противоречат стратегии превращения этого региона в собственную периферию.

Важным внешнеполитическим ресурсом ЕС является **«мягкая сила» (soft power)**. Собственный привлекательный образ (как актора) и привлекательность проводимой политики дают Евросоюзу мощный инструмент, чтобы убедить партнеров разделить его внешнеполитические цели и присоединиться к проводимой им политике. Впрочем, следует отметить, что недостаток «жесткой силы» уменьшает возможности Евросоюза эффективно трансформировать свой привлекательный образ в «мягкую силу». Кроме того, многочисленные кризисные явления в Европе в последние годы существенно ослабили привлекательность и «мягкую силу» ЕС.

ЕС активно использует **принцип политической обусловленности (political conditionality)**, который подразумевает учет характеристик внутренней политики государства-партнера при развитии экономического сотрудничества. Либерализация торгового режима, оказание финансово-экономической помощи, облегчение визового режима и т.п. очень часто используются Евросоюзом как поощрение за демократические реформы и «правильную» внешнюю политику. И наоборот, посчитав руководство какой-либо страны виновной в существенном отходе от демократических принципов, массовых нарушениях прав человека (особенно связанных с угрозой жизни людей), Евросоюз не стесняется использовать экономические санкции. При этом ЕС рассматривает санкции не как способ наказания виновных, а как средство добиться нормализации ситуации.

С начала 2000-х и до середины 2010 г. была популярна концепция, что Европейский союз является **нормативной силой/державой**, способной «формировать концепции «нормального» в международных отношениях». Иными словами, Евросоюз позиционировали, отчасти справедливо, как образ будущего, идеальную модель общественного устройства и моральный авторитет в международных отношениях.

В основе нормативной силы европейцев — политическая система, гарантирующая гражданам свободу и безопасность, и экономическая система, обеспечивающая высокий уровень жизни и социальной защиты. В период своего успешного развития Евросоюз по праву воспринимался как пример: новая региональная система международных отношений, построенная на общих ценностях, господстве права, культуре компромисса; система, способная балансировать интересы отдельных стран, обеспечившая «примирение» стран, неоднократно воевавших друг с другом. Экономические и политические достижения интеграции (Единый рынок, Шенген, единая валюта) усиливают привлекательность ЕС в глазах стран-партнеров, зарубежных граждан и бизнеса. Лидерство Евросоюза в области помощи развивающимся странам и в борьбе с потеплением климата помогало формировать образ ответственного глобального актора.

Стратегия безопасности ЕС 2003 г. открыто декларировала, что проекция вовне своих собственных ценностей является главным принципом внешней политики ЕС, поскольку это служит общему благу: «распространение хорошего управления, поддержка социальных и политических реформ, борьба с коррупцией и злоупотреблением силой, установление господства права и защита прав человека являются лучшими способами укрепления международного порядка».

Однако события последних лет подорвали образ ЕС как нормативной силы. *Во-первых*, нарастание глобальной турбулентности, усиление конфликтности в мировой политике и возросшее значение силового фактора демонстрируют, что ЕС не является образом будущего международных отношений. В мире нарастающего геополитического соперничества значение норм сокращается, а вместе с этим сокращается и потенциал «нормативного» влияния Евросоюза. *Во-вторых*, сам Европейский союз переживает комплексный кризис (кризис зоны евро, рост экономических противоречий стран ядра и периферии ЕС, миграционный кризис, кризис политических систем и усиление популистских и персоналистских партий по многим странам-членам, рост евроскептицизма). Это неизбежно ослабляет привлекательность Евросоюза.

Принятая в 2016 г. **Глобальная стратегия ЕС «Общее видение, единый подход: сильная Европа»** отразила эти изменения. Основная тональность документа — защитная: «Мы живем во времена экзистенциального кризиса внутри и за границами Европейского союза. Наш Союз находится под угрозой». Вместо экспорта норм и влияния на первое место вышла защита от внешних вызовов, устойчивости государственных, политических, общественных, экономических и других систем внутри Евросоюза перед лицом глобальной турбулентности и попы-

ток дестабилизации извне. Официально признана необходимость балансировать между принципами и интересами, причем этот баланс смещается в сторону интересов. «Прагматизм на основе принципов» позиционирован как основа внешней политики. Заслуживает особого внимания зафиксированная в Стратегии самооценка: мы — «Союз средних и малых стран». Как группа «средних и малых стран», ЕС последовательно заинтересован в продвижении основанного на правилах глобального порядка и многосторонности ключевого принципа международных отношений.

На протяжении всей послевоенной истории европейцев вполне устраивала роль младшего партнера США. Они считали признание стратегического лидерства США адекватной ценой за предоставляемые в рамках НАТО гарантии безопасности, а также «позволяли» Вашингтону нести основное бремя обеспечения глобального лидерства Запада и поддержания глобальной/региональной стабильности. Однако события последних лет свидетельствуют о трансформации трансатлантического альянса. США все чаще пренебрегают мнением своего ближайшего союзника и демонстративно игнорируют его интересы. Ограниченность возможностей в области безопасности влечет за собой более ощутимые негативные последствия политического и экономического характера.

В связи с этим европейцы все активнее декларируют стремление обеспечить **стратегическую автономию ЕС**, т.е. способность «защищать Европу, реагировать на внешние кризисы и помогать нашим партнерам развивать потенциал в области обороны и безопасности». Для этого необходима политическая воля проводить политику, автономную от старшего партнера (США). Автономия в сфере безопасности требует принципиально более высокого уровня оборонного потенциала, который достижим лишь при существенной модернизации и «европеизации» обороной промышленности. Практические действия ЕС пока не дают уверенности в том, что стратегическая автономия будет обеспечена в обозримой перспективе.

Ожидаемый в 2019 г. **выход Великобритании из ЕС²** окажет существенное влияние на положение ЕС на мировой арене, а также повлияет на трансформацию Евросоюза.

С одной стороны, выход Лондона означает ослабление внешнеполитических ресурсов Евросоюза. Великобритания — это страна с высокотехнологичной экономикой, входящая в десятку крупнейших экономик мира, один из мировых финансовых центров. Великобритания — это ядерная держава, она имеет крупнейшую в ЕС армию и развитую оборонную промышленность. Лондон располагает первокласс-

ной дипломатической службой и наработанными контактами во всех регионах мира.

С другой стороны, выход Великобритании способен существенно упростить формирование сплоченного ядра Евросоюза. Уходит страна, которая традиционно оппонировала интеграционным устремлениям германо-французского тандема. Еврозона по всем экономическим и политическим параметрам становится доминирующей группой в составе ЕС и получает шанс трансформироваться в устойчивое ядро, которое будет задавать вектор развития всего Евросоюза. Разумеется, это ядро не будет гомогенно; в нем уже видны зарождающиеся элементы управляющих структур. Вероятнее всего, выделится группа ключевых стран в составе Германии, Франции, стран Бенилюкс и нескольких других. Функционируя в формате регулярных встреч до официальных саммитов Европейского совета и встреч Совета ЕС, это ядро возьмет на себя выработку внешнеполитической стратегии и направлений перспективного развития ЕС.

Значительная часть инициатив углубления интеграции будет реализовываться в формате еврозоны (плюс/минус отдельные страны). Тем самым Европейский союз трансформируется в систему «ядра и периферии».

Глобальный кризис либерализма привел к усилению в ЕС популистских и персоналистских партий. Для большинства из них характерен «мягкий» евроскептицизм, подразумевающий критику функционирования ЕС и требования уменьшить его полномочия в отдельных сферах, но не призывающий к выходу из ЕС. Тупик, в который попали британцы в процессе переговоров по Брекситу, прекрасно иллюстрирует нерациональность требований выхода из ЕС. Все ответственные прагматичные политики в ЕС понимают, что сохранение и развитие системообразующих проектов ЕС отвечает стратегическим интересам их стран. Однако формирование системы «ядра и периферии» не исключает возврата на национальный уровень полномочий в некоторых второстепенных сферах.

Весьма вероятно, что к середине 2020-х годов Евросоюз можно будет описать метафорой *«Замок политического и валютного союза в саду единого рынка, огороженном стеной от рисков турбулентного мира»*. Внешняя политика такого Евросоюза может стать более скоординированной, но одновременно она станет менее амбициозной.

Наконец, еще раз подчеркнем, что **ОВПБ является сферой межправительственного сотрудничества**. Ключевые органы — Европейский совет и Совет ЕС, где все решения принимаются на основе консенсуса

государств—членов. Комиссия и Европарламент выполняют преимущественно консультативные функции. В сфере ОВПБ/ОПБО исключено принятие законодательных актов; на нее не распространяются полномочия Суда ЕС. Приложенная к Лиссабонскому договору декларация подчеркивает, что ОВПБ никоим образом «не затрагивает правовые основы, компетенции и властные полномочия каждого государства-члена в отношении формулирования и проведения его внешней политики, его национальной дипломатической службы, отношений с третьими странами и участия в международных организациях», а положения по ОПБО «не затрагивают специфического характера политики безопасности и обороны государств-членов».

Таким образом, внешняя политика ЕС никоим образом не заменяет, а лишь дополняет внешнюю политику суверенных государств-членов. Именно межправительственный характер и необходимость постоянного поиска консенсуса всех 28 стран ЕС являются важнейшим фактором, снижающим эффективность ОВПБ.

2.2. Направления внешней политики ЕС

Общая политика безопасности и обороны. На саммите в Сен-Мало 4–5 декабря 1998 г. президент Франции Жак Ширак и премьер-министр Великобритании Тони Блэр приняли совместную декларацию с призывом к ЕС начать формирование Общей политики безопасности и обороны (ОПБО)³. Европейский совет на Кельнском саммите в 1999 г. принял декларацию, в которой формулировались основные задачи ОПБО: «Союз должен обрести способность к автономным действиям, обеспеченную эффективными военными силами».

Лиссабонский договор уточнил перечень задач ОПБО и предусмотрел существенную реформу органов управления. Усилены взаимные обязательства о противодействии актам агрессии и терроризма. Статья 42(7) ДЕС устанавливает, что, если государство—член ЕС станет жертвой вооруженной агрессии, остальные страны ЕС обязуются оказать ему помощь всеми доступными средствами в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Однако подчеркнутое отсутствие в тексте упоминания о «военных средствах», а также указание, что для стран—членов НАТО именно Североатлантический альянс является организацией «коллективной обороны», показывают, что в Евросоюзе *de jure* отсутствуют оборонные гарантии.

Европейцы по-прежнему заинтересованы в американском ответственном лидерстве и гарантиях безопасности. Однако подобный сим-

биоз означает, что, несмотря на развитие ОПБО, Евросоюз не обладает стратегической самостоятельностью. Имеющееся у ЕС пространство политического маневра вписано в абсолютно четкую систему координат трансатлантического альянса. В последние годы европейцы все чаще ощущают негативные последствия зависимости от США; строятся планы обеспечения стратегической автономии ЕС. Однако практические действия на этом направлении пока явно недостаточны.

Реализация ОПБО охватывает «все сферы внешней политики, имеющие отношение к безопасности Евросоюза, включая прогрессивное формирование общей оборонной политики, которая может привести к общей обороне» (ст. 24(1) ДЕС). Однако слова об общей обороне отражают потенциальную возможность, вероятное направление движения, а не реальность. На практике постепенно сформировались три ключевых направления деятельности ОПБО. Наиболее заметна активность ЕС по предотвращению и регулированию кризисов за пределами Союза. Также ОПБО включает меры укрепления оборонного потенциала стран ЕС и развития европейской оборонной индустрии.

Зафиксированный Лиссабонским договором список задач ОВПБ выглядит следующим образом:

1. Совместные операции по разоружению.
2. Гуманитарные и спасательные задачи.
3. Предоставление военных советов и помощи.
4. Предотвращение конфликтов и поддержание мира.
5. Задачи боевых сил в управлении кризисами, включая миротворчество и постконфликтную стабилизацию.

Евросоюз проводит большое число мероприятий в области предотвращения конфликтов и кризисного урегулирования в различных регионах мира. Перечень акций чрезвычайно разнообразен: постконфликтное уничтожение боеприпасов в Албании и Камбодже, Кимберлийский процесс на Юге Африки (международный контроль над экспортом алмазов мятежными группировками), посреднические услуги (например, в Мали, Бирме, Ливане, диалог Белград—Приштина), содействие в подготовке полицейских сил (Алжире, ЮАР и др.). С 2004 г. ЕС во взаимодействии с Африканским союзом и при поддержке ООН реализует План действий по поддержке мира и безопасности в Африке. В 2012–2014 гг. создана Система раннего предупреждения конфликтов, включающая мониторинг, идентификацию «точек риска», анализ потенциальных конфликтов и разработку мер предотвращения кризисов, оценку эффективности реализованных мер.

Наиболее известным аспектом ОПБО являются **военные и гражданские операции кризисного урегулирования**. Евросоюз провел 36 миротворческих операций (10 военных и 26 гражданских). Миссии существенно различаются по целям, масштабу, длительности и составу стран-участниц. Среди военных операций 7 чисто военных и 3 военно-учебные. Гражданские включают 9 операций по укреплению безопасности, 7 полицейских, 3 операции по укреплению законности и правопорядка, 3 пограничных, 2 наблюдательных и 2 подготовительных.

Нередко ЕС проводит операции совместно с другими организациями, прежде всего с ООН, НАТО и Африканским союзом. Это позволяет более рационально использовать имеющиеся ресурсы, но в то же время требует эффективной координации.

Для операций ЕС характерна синергия военного и гражданского потенциала. У ЕС имеется внушительный набор инструментов постконфликтной стабилизации и укрепления безопасности, которые предполагают работу гражданских специалистов. Их использование в рамках комплексного подхода позволяет обеспечить максимальный эффект от миротворческой деятельности. Однако за приверженностью комплексному подходу иногда можно усмотреть нежелание и даже боязнь применять силу, что значительно ослабляет возможности ЕС в области кризисного регулирования.

Роль государств-членов является определяющей как при принятии решения о проведении операции, так и при ее реализации. Военный и гражданский контингент формируется специально под каждую операцию. Хотя такая операция реализуется от имени всего ЕС, направляют свой персонал лишь те государства-члены, которые в этом заинтересованы и имеют соответствующие ресурсы. С практической точки зрения это означает, что операция ЕС имеет шанс состояться, только если, как минимум, несколько стран готовы вложить свои ресурсы (человеческие и финансовые).

В последние годы акцент в операциях ЕС смещается с помощи странам-партнерам на урегулирование тех кризисных ситуаций вне ЕС, которые имеют негативные последствия для безопасности самого Евросоюза. В частности, стоит упомянуть операцию «София» в Средиземном море (борьба с нелегальной миграцией) и постепенную переориентацию операций в Африке на миграционную проблематику.

В целом ЕС состоялся как международный «поставщик безопасности», способный содействовать урегулированию региональных кризисов. Способность и желание предоставлять это публичное благо повышает авторитет и влияние ЕС на международной арене. Одна-

ко внутривнутриполитические и институциональные ограничения, а также скромные ресурсы не позволяют Евросоюзу проводить масштабные операции по урегулированию «горячих» кризисов. Это, в свою очередь, ограничивает способности Евросоюза оказывать влияние на те ситуации и процессы в сфере международной безопасности, которые имеют стратегический характер.

Укрепление оборонного потенциала и развитие оборонной индустрии стало предметом озабоченности Евросоюза сразу после учреждения ОПБО в конце 1990-х годов. В первую очередь была поставлена задача сократить отставание от США в области высоких военных технологий. Неотложного внимания требовали авиационные и морские средства стратегической мобильности, а также системы командования, управления, связи и разведки.

Следует подчеркнуть, что ни тогда, ни сейчас Евросоюз не располагает собственным оборонным потенциалом. Государства-члены в полной мере отвечают за разработку и закупку военной техники и средств, необходимых для национальных операций, выполнения обязательств, связанных с членством в ЕС, НАТО и ООН, а также за поддержание сил и средств в оперативной готовности.

После окончания холодной войны оборонные расходы в странах ЕС последовательно сокращались; в 2014 г. они составили менее 1,40% ВВП⁴. Уэльский саммит НАТО 2014 г. одобрил общий ориентир — все государства в течение десятилетнего периода должны выйти на уровень военных расходов в 2% ВВП. Рост оборонных расходов начался с 2015 г. как реакция на общий кризис безопасности в Европе. В 2018 г. оборонные расходы составили около 1,5% ВВП. Лишь у семи стран ЕС оборонные расходы выше или близки к 2%, в том числе у Великобритании и Польши. Во Франции этот показатель составляет 1,81%, в Германии — 1,24, в Италии — 1,15% ВВП.

Европейская оборонная промышленность чрезвычайно фрагментирована, что ведет к увеличению себестоимости продукции и дублированию усилий. В то же время в условиях глобализации становится все сложнее развивать военно-промышленную базу исключительно на основе национальных производств. Волей-неволей европейским странам приходится реализовывать проекты международного военно-промышленного сотрудничества, и соседние страны-члены ЕС — их естественные партнеры в этой сфере.

Создание в 2004 г. **Европейского оборонного агентства (ЕОА)** поставило процесс координации и развития военно-промышленного комплекса на более фундаментальную основу. Сверхзадача ЕОА — обеспечить

синергию технических мощностей стран ЕС и избежать дублирования при реализации военного заказа. В документах ЕС красной нитью проходит мысль о том, что «военная технологическая и индустриальная база больше не осуществима на строго национальной основе, и потому ЕС должен стремиться развивать подлинно европейскую военную технологическую базу как нечто большее, чем сумма национальных частей». В 2014 г. ЕОА обозначило четыре приоритетные области: беспилотники, заправка самолетов в воздухе, спутники связи и кибербезопасность.

Несмотря на имеющийся прогресс, сотрудничество стран ЕС в области разработки вооружений имеет скромные размеры. Из примерно 2 млрд евро, ежегодно расходуемых на НИОКР в области обороны, финансирование совместных исследований составляет менее 200 млн евро. В ежегодных закупках военной техники 25–30 млрд евро составляют закупки «национального» вооружения и лишь около 5–7 млрд евро приходится на закупки техники «совместного европейского» производства, что составляет около 20%. Поставлена задача увеличить этот показатель до 35% от общего объема закупок вооружения и военной техники.

Это не случайно, ведь оборонно-промышленный комплекс — сфера особых национальных интересов, и многие государства-члены неохотно идут на передачу своих технологий и ресурсов в «общий котел». К тому же страны ЕС, несмотря на многочисленные декларации о необходимости совершенствования оборонного потенциала, традиционно не хотят тратить большие средства на военные нужды.

Общая торговая политика

Внешняя торговля — одна из немногих полностью централизованных сфер деятельности Европейского союза.

Фактически реализация общей торговой политики началась в первой половине 1970-х годов, через несколько лет после введения в действие единого таможенного тарифа ЕС.

Маастрихтский договор 1992 г. трансформировал торговую политику в «общую внешнеэкономическую политику» (*Common Commercial Policy*), которая стала охватывать все направления экономической деятельности и все формы внешнеэкономических связей. Однако поскольку такое понимание полностью соответствует используемому в ВТО понятию «торговая политика», мы далее будем использовать этот устоявшийся термин.

Лиссабонский договор 2009 г. позиционировал торговую политику как составную часть внешней политики ЕС. Это означает, что при ре-

лизации торговой политики ЕС должен учитывать цели ОВПБ, в частности принципы соблюдения демократии и уважения прав человека. Таким образом, подтверждено, что торговая политика является одним из инструментов достижения целей внешней политики.

Торговая политика — сфера исключительной компетенции институтов ЕС. Только Европейский союз вправе принимать меры регулирования внешней торговли и инвестиций, заключать международные торговые и инвестиционные соглашения. К исключительным полномочиям ЕС относится не только торговля товарами, но и торговля услугами, регулирование прав интеллектуальной собственности и прямых зарубежных инвестиций, а также некоторые связанные с ними сферы.

После создания единого рынка, введения единой валюты и расширения на восток Европейский союз сегодня является **крупнейшим торговым актором**⁵. Общий рынок ЕС объединяет более 500 млн потребителей с высоким платежеспособным спросом. ЕС занимает первое место в мире по объему торговли товарами и услугами. Он является первым по значимости торговым партнером для примерно 80 стран мира, включая все без исключения промышленно развитые страны. Следует отметить, что с начала 2000-х годов происходит некоторое снижение роли ЕС в мировой торговле товарами в связи с быстрым экономическим ростом стран Азии (прежде всего Китая) и Латинской Америки. Однако ЕС остается крупнейшим поставщиком услуг на мировые рынки. На ЕС приходится около 45% мирового притока и мирового экспорта прямых зарубежных инвестиций.

Занимая такие позиции в мировой экономике, Евросоюз обладает значительным влиянием, позволяющим играть одну из лидирующих ролей в формировании правил мировой торговли как через многосторонний формат ВТО, так и посредством развитой системы двусторонних преференциальных торговых соглашений. Евросоюз является последовательным сторонником совершенствования открытой и либеральной многосторонней торговой системы при одновременном усилении позиций ЕС на мировой арене и защиты экономических интересов ЕС.

ЕС участвует в большом числе различных двусторонних и плурилатеральных торговых соглашений. Предусмотренные этими соглашениями торговые режимы могут существенно различаться в зависимости от интересов ЕС и уровня экономического развития страны-партнера: режим наибольшего благоприятствования (страны ВТО), односторонние преференции (наименее развитые страны), соглашения об экономическом партнерстве (некоторые страны Африки), классическая зона свободной торговли (Мексика, Чили), свободная торговля товарами

и услугами (Колумбия, Перу), зона свободной торговли «плюс», включающие сотрудничество/гармонизацию в области госзакупок, защиты интеллектуальной собственности, технических стандартов, защиты инвестиций (Канада, Южная Корея, Япония, Кариком), глубокая и всеобъемлющая зона свободной торговли, предусматривающая переход стран-партнеров на законодательство ЕС в области госзакупок, конкуренции, стандартов и т.п. (Грузия, Молдова, Украина, Марокко), таможенный союз (Турция), фактический доступ на единый рынок ЕС при условии принятия в полном объеме соответствующего законодательства ЕС (Норвегия, Исландия, Лихтенштейн, Швейцария). За счет этой гибкости торговая политика способствует продвижению интересов европейских производителей в различных регионах мира.

Экономическая мощь ЕС позволяет ему **использовать торгово-экономические меры для политического влияния**; прежде всего речь идет об эмбарго и иных мерах ограничения торговли. ЕС начал активно использовать ограничения в торговле с начала 1990-х годов. Все чаще вместо масштабных санкций (торговое эмбарго или запрет на закупки нефти) используются так называемые «умные» или «целевые» санкции, нацеленные на конкретные компании или физические лица (запрет на въезд в ЕС или заморозка активов). ЕС использует санкции по широкому кругу поводов, например в связи с нарушением режима нераспространения (Иран, Ливия), борьбой с терроризмом (Аль-Каида), кризисным урегулированием (Афганистан), мнимыми или реальными нарушениями прав человека (Беларусь, Узбекистан, Зимбабве)⁶.

На рубеже веков технологический прогресс и упрощение коммуникаций привели к опережающему росту международной торговли услугами и движения капиталов, а также формированию все более сложных трансграничных производственных цепочек. На фоне снижения уровня тарифной защиты это повысило роль нетарифных барьеров в регулировании глобальной торговли. Адаптируясь к новым условиям, Евросоюз включил в новое поколение торговых соглашений новые вопросы, в частности гармонизацию стандартов, защиту интеллектуальной собственности, требования к социальной защите трудящихся и защите окружающей среды. В начале века ЕС активно продвигал на площадке ВТО соглашение по так называемым «Сингапурским вопросам» (госзакупки, политика конкуренции, стандарты охраны труда, защита инвестиций).

Неспособность достичь соглашения по этим вопросам в формате ВТО вынудила ЕС адаптировать свою торговую стратегию. Евросоюз стал активно работать над комплексными двусторонними соглашения-

ми о свободной торговле с крупнейшими развитыми странами. Итогом стало подписание соглашений с Южной Кореей (2011), Канадой (2016), Японией (2018). Было практически готово соглашение о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) с США, однако при администрации Трампа переговорный процесс был практически приостановлен. Формально эти соглашения устанавливают режим свободной торговли, однако за счет включения вышеупомянутых вопросов они в ряде сфер на практике обеспечивают режим, сопоставимый с режимом единого внутреннего рынка ЕС.

Стратегическим приоритетом ЕС остается развитие системы комплексных соглашений о свободной торговле; это особенно важно в свете того, что согласно прогнозам в следующее десятилетие 90% глобального экономического роста будет обеспечено за пределами ЕС.

Миграционная политика

В основополагающих договорах ЕС миграционная политика включена в один раздел с вопросами полицейского и правового сотрудничества. Изначально она создавалась с целью минимизировать негативные издержки от снятия контроля на внутренних границах, устранить возможные злоупотребления со стороны нелегальных мигрантов и преступников. Именно поэтому функции миграционной политики ЕС мало похожи на классические функции национальной миграционной политики. Прежде всего, она не предназначена для регулирования притока необходимой для экономики рабочей силы — эта функция, как и в целом контроль над численностью иммигрантов в стране, осталась национальной прерогативой. Также в национальной сфере ответственности остается интеграция иммигрантов в принимающее общество.

Миграционная политика ЕС — это управление внешней границей (визовая политика, политика предоставления убежища), общие правила депортации нелегальных иммигрантов, регулирование отдельных аспектов легальной миграции. С ней тесно связано сотрудничество в борьбе с терроризмом и некоторые аспекты полицейского сотрудничества.

Будучи инструментом регулирования порядка въезда в ЕС, миграционная политика естественным образом имеет внешнее измерение. Евросоюз традиционно использовал «доступ в Шенгенское пространство» как инструмент влияния и вознаграждения, один из компонентов «мягкой силы», используемых для трансформации стран-партнеров. Классической практикой было предоставление соседним (и не совсем) странам облегченного визового режима и безвизового режима в обмен на реализацию политических и экономических реформ, «правильную»

внешнюю политику и повышение эффективности работы пограничных и полицейских органов в странах-партнерах.

В рамках «внешнего измерения» миграционной политики Евросоюз на основе разработанного в 2005 г. «Глобального подхода к миграции» заключал соглашения о реадмиссии с соседними странами, а также специальные соглашения о партнерстве для мобильности⁷ с рядом государств исхода мигрантов. Заключенное чуть ранее Соглашение Котону предусматривало регулярный диалог по миграции между ЕС и странами АКТ. В Евросоюзе полагали, что, создавая дополнительные каналы для легального въезда, они смогут уменьшить мотивацию к нелегальной иммиграции.

Разразившийся в 2010-е годы миграционный кризис вынудил ЕС по-иному расставить приоритеты миграционной политики. В 2015 г. Комиссия представила стратегию «Европейская повестка дня по миграции», в которой намечены четыре группы мер:

- 1) противодействие нелегальной миграции;
- 2) охрана границ и спасение терпящих бедствие в Средиземном море;
- 3) совершенствование политики интеграции легальных мигрантов;
- 4) реформа существующей системы предоставления убежища.

При этом основной акцент в урегулировании миграционного кризиса Евросоюз сделал на вынесении миграционной проблемы за пределы ЕС и создании более эффективных барьеров на внешних границах.

На саммите в Валетте в ноябре 2015 г. ЕС и африканские страны согласовали План действий, в соответствии с которым Евросоюз обязался вложить 1,8 млрд евро в программы по искоренению базовых причин миграции из Африки, таких как нищета, вооруженные конфликты и т.п. Взамен страны Африки обещали сдерживать миграционные потоки и содействовать возвращению на родину нелегальных мигрантов.

В 2016 г. ЕС и Турция согласовали План действий для сдерживания миграционного потока через Турцию. ЕС предоставил Турции финансовую помощь в размере 3 млрд евро, а также обещал ускорить переговоры о вступлении в ЕС и отменить визовый режим. Взамен Турция обязалась открыть свой рынок труда для беженцев, задерживать нелегальных мигрантов и ответственно выполнять соглашение с ЕС о реадмиссии. Соглашение с Турцией оказалось эффективным и было продлено; ЕС обязался выделить еще 3 млрд евро на период 2018–2019 гг.

В 2016 г. ЕС обнародовал новую стратегию регулирования миграции «Повестка дня по партнерству с третьими странами». Ее приоритетом яв-

ляется сотрудничество со странами—поставщиками мигрантов, такими как Нигер, Нигерия, Мали, Сенегал, Эфиопия, Тунис, Иордания и Ливан. В краткосрочной перспективе ЕС будет помогать этим странам эффективнее охранять границы и сдерживать потенциальных мигрантов. Для долгосрочного решения проблемы ЕС готов активнее содействовать социально-экономическому развитию проблемных стран, чтобы устранить причины массовой миграции. Однако африканские страны упорно отказываются от предложений ЕС создать на их территории центры временного содержания мигрантов, желающих получить убежище в ЕС.

В создании более эффективных барьеров на внешней границе ЕС также рассчитывает на сотрудничество с третьими странами. В задачи миссий ЕС в регионе Сахель включена борьба с каналами контрабанды людей. Миссия ЕС в Ливии переориентирована на содействие местным властям в управлении границами. В 2017 г. подписано специальное соглашение между Италией и Ливией о регулировании миграции. Страны ЕС готовы выделить Ливии 200 млн евро на помощь ливийской береговой охране. Созданы специальные форматы сотрудничества, объединяющие страны вдоль маршрутов движения мигрантов в ЕС: Хартумский процесс (поток из Восточной Африки через Судан и Египет) и Балканский путь (из Иордании и Ливана).

С 2015 г. в Средиземном море реализуется операция «София», имеющая цель препятствовать лодкам с искателями убежища достичь берегов Европы и противодействовать бизнесу контрабандистов. Аналогичную операцию проводит НАТО. В 2017 г. начало работу Европейское пограничное агентство. Его задача — следить, чтобы все страны ЕС соблюдали правила охраны границы, и оказывать помощь тем странам, которые не справляются с защитой своих границ. По сравнению с действовавшим ранее Фронтекс новое агентство получило больше полномочий и ресурсов, в частности имеет возможности быстрого развертывания пограничных отрядов в помощь национальным силам и может координировать высылку нелегалов.

Миграционный кризис вынудил ЕС кардинально реформировать внешние аспекты миграционной политики. Предыдущая стратегия использования визовой либерализации как инструмента трансформации стран-партнеров потеряла актуальность. Миграционная политика стала более внешнеориентированной, более интегрированной в ОВПБ; для ее реализации требуется большая синхронизация традиционных инструментов регулирования миграции, деятельности пограничных служб, дипломатической активности и привлекаемых военных сил и средств. Ключевой задачей для ЕС в настоящее время является со-

трудничество с приграничными странами с целью убедить их взять на себя значительную часть барьерных функций. При этом ЕС готов «платить» таким странам за содействие, выделяя экономическую помощь, расширяя возможности легальной трудовой миграции и даже идя на политические уступки. Также ЕС стал гораздо активнее работать с удаленными странами—поставщиками мигрантов с целью минимизировать число потенциальных мигрантов.

Миграционный кризис также вынудил ЕС пересмотреть баланс между собственными ценностями прав человека и безопасности в пользу последних. Это один из примеров того, как в условиях глобальной турбулентности ослабевает ценностная компонента внешней политики ЕС; стала допустима более гибкая трактовка базовых ценностей, если это необходимо для обеспечения собственных интересов.

Энергетическая политика

Сверхзадачей энергетической политики ЕС является обеспечение энергетической безопасности. С точки зрения Евросоюза **энергетическая безопасность** — это доступ к безопасной, доступной и устойчивой энергии. Поскольку ЕС импортирует около половины потребляемых энергоресурсов, для него ключевое значение имеют стабильные импортные поставки углеводородов. Евросоюз стремится сократить риски, которые могут возникнуть при импорте энергоносителей из политически нестабильных (недружественных) регионов или при их транспортировке через территорию таких регионов, а также не допустить потенциального политического давления со стороны поставщиков.

Помимо укрепления безопасности энергетических поставок, дипломатия ЕС нацелена на расширение экспорта европейских низкоуглеродных технологий и повышение конкурентоспособности промышленности за счет обеспечения разумных, т.е. низких, цен на энергоносители.

До сих пор ключевые аспекты внешней энергетической политики — откуда импортировать энергоресурсы и как развивать инфраструктуру для импорта — остаются прерогативой государств-членов. У Евросоюза нет полномочий на заключение «энергетических» договоров с третьими странами. Однако институты ЕС пытаются включать энергетические разделы в договоры об экономическом сотрудничестве с внешними партнерами, а также активно используют все возможные политические контакты и форматы для продвижения энергетической повестки.

Среди специфических направлений энергетической дипломатии ЕС выделяются диверсификация импортных поставок, попытки ко-

ординации действий стран-членов, «экспорт» внутреннего законодательства и его использование для реформирования отношений со странами—поставщиками.

В контексте диверсификации импортных поставок основные усилия ЕС сосредоточены на наращивании мощностей для импорта сжиженного природного газа (СПГ), доступе к запасам нефти и газа на Каспии (Южный газовый коридор) и газа в Персидском заливе.

С конца 1990-х годов Евросоюз развивает систему политических и технических энергодиалогов с ключевыми поставщиками и крупными внешними потребителями. В настоящее время действует около 20 таких диалогов: с Норвегией, Алжиром, странами ОПЕК, США, Японией, Бразилией, Индией, Турцией и др. В их рамках обсуждаются вопросы обеспечения стабильности поставок, передачи энергосберегающих технологий, развития альтернативной энергетики и т.п. С 2012 г. действует механизм обмена информацией о двусторонних межправительственных соглашениях государств ЕС с третьими странами.

Самым успешным примером «экспорта» энергетического законодательства является созданное в 2006 г. Энергетическое сообщество, в состав которого помимо ЕС входят страны Юго-Западных Балкан, Украина и Молдова. Указанные страны **внедряют в национальное законодательство нормы ЕС о либерализации энергетических рынков, энергосбережении и стимулировании ВИЭ. Впрочем, не всегда новые нормы эффективно применяются на практике.**

Опираясь на созданные внутри ЕС правила «рынка покупателя», Еврокомиссия довольно успешно пытается изменить режим взаимодействия с внешними поставщиками. Например, Еврокомиссия сумела убедить страны Юго-Восточной Европы отказаться от уже подписанных соглашений по проектам газопровода «Южный поток». Несмотря на политическое противодействие со стороны Москвы, Брюсселю удалось заставить Газпром соблюдать на территории ЕС положения о либерализации энергорынков (Третий энергопакет). Антимонопольное расследование Еврокомиссии вынудило Газпром изменить практику ведения бизнеса в Восточной Европе.

Гораздо неоднозначнее выглядят попытки институтов ЕС искусственно форсировать развитие спотовой торговли газом или применять свои правила в отношении импортных трубопроводов, проходящих за пределами территории ЕС (например, «Северный поток-2»).

Имея скромные полномочия в области внешней энергетической политики, Евросоюз неоднократно демонстрировал свою политическую значимость, умение пользоваться ограниченным инструментарием

ем. В последние годы ЕС все активнее пытается координировать внешнюю политику государств-членов по отдельным аспектам внешней энергетической политики. Однако ряд крупных стран ЕС, опираясь на установленное Лиссабонским договором распределение компетенций, стремятся сохранить возможность самостоятельно выстраивать отношения с внешними поставщиками.

Охрана окружающей среды

Охрана окружающей среды — одно из старейших направлений деятельности ЕС. Первый экологический план действий ЕС был принят в 1973 г. Единый европейский акт 1986 г. официально закрепил компетенцию ЕС в этой области. В 1994 г. начало работу Европейское агентство по окружающей среде (ЕАОС) со штаб-квартирой в Копенгагене. Лиссабонский договор 2007 г. расширил полномочия органов ЕС в сфере экологической политики. Приоритетным направлением экологической политики является борьба с глобальным изменением климата.

В Евросоюзе внедрены многочисленные механизмы чистого развития, например система торговли квотами на выбросы парниковых газов, на национальном уровне проведена экологизация систем налогообложения. Кроме того, в ЕС сформирован механизм защиты экологических прав, проведена масштабная кодификация норм в области управления отходами, промышленных выбросов, охраны вод, функционирует эффективный механизм экологической ответственности.

Европейский союз является одним из акторов, формирующих глобальную повестку в области охраны окружающей среды. Эти вопросы входят в сферу совместной компетенции ЕС и государств-членов. Порядок взаимодействия между институтами ЕС и национальными правительствами зависит от юридической силы разрабатываемого соглашения, продолжительности переговоров и того, в какой мере будущее соглашение затрагивает смежные вопросы (например, энергетику), входящие в компетенцию стран-членов. Переговоры по Парижскому соглашению об изменении климата 2016 г. являются хорошим примером такого взаимодействия. ЕС заранее сформулировал собственные обязательства и переговорную позицию; профильные гендиректораты Еврокомиссии, Европейская внешнеполитическая служба и национальные делегации согласованно действовали в ходе переговоров.

ЕС является участником большого числа международных конвенций, в том числе Конвенции об охране дикой флоры и фауны и природных сред обитания в Европе (1979 г.), Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (1979 г.), Международного

соглашения по тропической древесине (1983 г.), Конвенции о биологическом разнообразии (1992 г.), Роттердамской конвенции о международной торговле опасными химическими веществами и пестицидами (1998 г.), Конвенции о стойких органических загрязнителях (2001 г.). При этом ЕС выступает активным участником соответствующих переговоров, а зачастую их инициатором.

В последние десятилетия ЕС стремится включать обязательства об охране окружающей среды во все торгово-экономические соглашения с третьими странами. За разработку приоритетов (в том числе внешних) и стратегии экологической политики отвечает Еврокомиссия. Европейская внешнеполитическая служба поддерживает деятельность Комиссии и координирует экологическую проблематику с другими направлениями внешней политики.

Европейский союз заслуженно считается **мировым лидером в борьбе с потеплением климата**. Именно благодаря настойчивым дипломатическим усилиям ЕС был введен в действие Киотский протокол и подписано Парижское соглашение 2016 г. В основе климатической политики ЕС лежат принципы многосторонности, приверженности концепции устойчивого развития, ориентации на результаты научных исследований. В 2016 г. выбросы парниковых газов в ЕС снизились на 24 % по сравнению с уровнем 1990 г., что принципиально отличает ЕС от прочих основных загрязнителей атмосферы: в США объем выбросов сохранился на уровне 1990 г., а в Китае — вырос почти втрое. В 2014 г. Евросоюз одобрил «Стратегию 2030», которая требует сокращения выбросов парниковых газов к 2030 г. на 40% по сравнению с 1990 г.

Активная роль ЕС в области охраны окружающей среды способствует формированию позитивного имиджа на международной арене и является одним из важных элементов его «мягкой силы».

2.3. География внешней политики

Отношения ЕС с «ведомыми» партнерами

Отношения ЕС со странами Африки и европейской периферии наиболее четко выражают особенности внешней политики ЕС, такие как стратегия трансформации партнеров в русле концепции нормативной силы, опора на инструменты «мягкой силы», активное применение принципа политической обусловленности. Очевидное политическое и экономическое превосходство Евросоюза над партнерами и наработанные десятилетиями практики делали отношения с этими группами стран

весьма комфортными для институтов ЕС. Стратегия в отношении этих стран в целом основана на устойчивом консенсусе государств ЕС. В то же время способность ЕС стимулировать трансформацию стран-партнеров существенно варьируется в зависимости от приемлемости европейских практик в обществе стран-партнеров, а также бонусов, которые ЕС способен дать за «правильное» поведение; и влияния других центров силы.

Расширение ЕС. Решение о расширении на восток лидеры ЕС приняли на саммите в Копенгагене в 1993 г. В первую очередь они руководствовались стремлением остановить дестабилизирующие процессы в ЦВЕ и содействовать политической и экономической трансформации стран региона. Важное значение имело и стремление западноевропейских компаний выйти на новые рынки сбыта.

В отношении стран-кандидатов был разработан комплекс весьма жестких требований (**Копенгагенские критерии**). Еще до начала переговоров о вступлении страна-претендент должна продемонстрировать функционирование демократических институтов и рыночной экономики, а также готовность взять на себя в полном объеме обязательства, связанные со вступлением в ЕС. Кроме того, вступающие страны должны были адаптировать национальное законодательство к законодательству ЕС.

Одной из форм подготовки стран-претендентов к членству в ЕС стали Соглашения об ассоциации (Европейские соглашения), которые ЕС подписал с десятью странами ЦВЕ в 1991–1996 гг. Соглашения предусматривали начало политического диалога, установление зоны свободной торговли и постепенную адаптацию стран ЦВЕ к единому внутреннему рынку ЕС.

Чтобы помочь странам ЦВЕ провести сложные политические и экономические реформы, Евросоюз оказывал им финансовую, юридическую и техническую помощь. Финансовая помощь направлялась через программы ФАРЕ, ИСПА, САПАРД и Инструмент помощи при вступлении; она составляла примерно 2,5 млрд евро в год.

Переговоры о вступлении с двенадцатью странами ЦВЕ начались в 1998–2000 гг. Основным элементом переговоров была адаптация законодательства страны-кандидата к законодательству ЕС. Еврокомиссия оказывала техническую поддержку и контролировала ход этого процесса.

Наконец, 1 мая 2004 г. десять стран ЦВЕ — Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония, Кипр, Мальта — вступили в Европейский союз. С 1 января 2007 г. его членами стали Болгария и Румыния.

Расширение на восток — это самый успешный внешнеполитический проект Евросоюза, удачный пример его **«трансформационной силы»**. Политика ЕС обеспечила успешный транзит постсоциалистических стран ЦВЕ и предотвратила риски внутренних и межгосударственных конфликтов в регионе. Общество и элиты стран-кандидатов были готовы к проведению болезненных экономических и политических реформ во имя «возвращения в Европу», т.е. членства в ЕС. По итогам расширения Евросоюз стал действительно общеевропейской организацией, структурирующей пространство почти всей Европы. В то же время после расширения резко усилилась экономическая, культурная и политическая разнородность ЕС, что осложняет функционирование и развитие организации.

В настоящее время ЕС ведет политику расширения в отношении стран Западных Балкан, но гораздо медленнее и осторожнее. В 2000 г. ЕС инициировал Процесс стабилизации и ассоциации, который призван подготовить балканские государства к членству в Евросоюзе. Суть политики ЕС на Балканах — обещание «европейской перспективы» в обмен на продолжение реформ. Эта политика основывается на опыте, полученном в ходе расширения ЕС на восток.

В то же время в подходе ЕС к Западным Балканам наблюдаются существенные отличия. *Во-первых*, ЕС в большей степени учитывает свои ограниченные возможности интегрировать новых членов. *Во-вторых*, особое внимание ЕС уделяет трем наиболее сложным аспектам трансформации балканских стран: верховенство закона, экономическое управление и реформа государственного управления. *В-третьих*, ЕС стимулирует развитие сотрудничества и добрососедских отношений между балканскими странами.

Из всех стран региона первой в ЕС вступила Хорватия (в 2013 г.). На конец 2018 г. статус официальных кандидатов на вступление имели Албания, Македония, Сербия, Турция и Черногория. Босния и Герцеговина и Косово имеют статус потенциальных кандидатов. На Западных Балканах Евросоюз столкнулся с серьезной дилеммой. С одной стороны, ЕС уже пообещал перспективу членства с целью стабилизации ситуации в регионе. С другой стороны, нерешенная проблема «слабой государственности» и сложные межэтнические отношения сильно снижают эффективность проводимых реформ. «Трансформационная сила» ЕС и принцип обусловленности имеют очень ограниченное влияние на страны Западных Балкан, в отличие от стран ЦВЕ.

Особый случай в политике расширения представляет Турция. Страна подала заявку еще в 1987 г., но и сегодня ее перспективы вступления в ЕС весьма туманны. По европейским меркам Турция имеет

невысокий уровень развития экономики. Политический режим Анкары не соответствует принятым в ЕС нормам либеральной демократии. Определенные круги в Европе не готовы принять в общий дом страну с многочисленным мусульманским населением.

Европейская политика соседства / «Восточное партнерство». Состоявшееся расширение на восток подтолкнуло ЕС к необходимости выработать новый формат отношений с новыми соседями. В результате Евросоюз в 2004 г. начал реализацию Европейской политики соседства (ЕПС), которая по мере своего развития охватила шесть стран постсоветского пространства (Украина, Белоруссия, Молдова, Азербайджан, Армения, Грузия) и десять государств Ближнего Востока и Северной Африки (Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Сирия, Тунис, палестинские территории).

У ЕПС были три взаимосвязанные задачи. *Во-первых*, способствовать трансформации стран-соседей, их переходу к демократии, рыночной экономике и признанию европейских ценностей. *Во-вторых*, экономически и политически привязать их к Евросоюзу в качестве внешней периферии. *В-третьих*, обеспечить стабильность и безопасность на новых границах расширенного ЕС.

В целом ЕПС стала попыткой структурировать пространство «соседства» посредством его приближения к политическим и ценностным нормам Евросоюза. Вместо членства в ЕС Брюссель предложил странам-соседям перспективу политической ассоциации и облегчение доступа на Единый внутренний рынок Евросоюза.

По мере развития ЕПС в ней выделилось два направления: южное — Союз для Средиземноморья (2008 г.) и восточноевропейское — «Восточное партнерство» (2009 г.).

«**Восточное партнерство**» воспроизвело основные положения ЕПС, но в некоторых аспектах шло дальше нее. Взамен членства в ЕС «Восточное партнерство» предлагало для стран-соседей такие стимулы, как:

- 1) возможность подписания соглашения об ассоциации, которое включает создание глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли (ГВЗСТ);
- 2) членство в Энергетическом сообществе с целью интеграции государств региона в создаваемый общеевропейский рынок газа и электроэнергетики;
- 3) либерализация и возможная отмена визового режима.

Более тесная интеграция этих стран в экономическое пространство Евросоюза увязывается с процессом сближения их законодательства

с законодательством ЕС. Бюджет «Восточного партнерства» составляет примерно 400 млн евро в год, что несопоставимо с объемами помощи, выделявшимися странам ЦВЕ при их подготовке к вступлению в ЕС.

ЕС также предпринял ряд усилий по урегулированию существующих в регионе замороженных конфликтов (Приднестровье, Нагорный Карабах, Южная Осетия и Абхазия). Помимо активных, хотя и не всегда последовательных посреднических услуг, ЕС инициировал две операции по урегулированию кризисов — миссия по содействию управлению украино-молдавской границей (2005 г.), миссия по мониторингу грузинской границы (2008 г.) — и выражал готовность направить миротворческую миссию в Нагорный Карабах, если об этом попросят стороны конфликта.

Однако в целом эффективность программы оставляла желать лучшего. Трансформация стран-соседей согласно предлагаемой Евросоюзом модели пробуксовывала. Европейские политики недооценили специфику системы ценностей населения стран региона, которая осложняет политическую трансформацию. Без перспектив членства политические элиты стран региона были не готовы проводить глубокие и зачастую болезненные реформы.

Наконец, политика ЕС страдала от неспособности скоординировать два трека: отношения со странами «Восточного партнерства» и отношения с Россией. В результате развернувшегося конфликта влияния между Брюсселем и Москвой постсоветские страны были вынуждены делать выбор между углублением преференциальных связей с Россией и Евразийским экономическим союзом или развитием сотрудничества с ЕС.

Практическая реализация «Восточного партнерства» привела к открытому противостоянию с российскими интеграционными инициативами. Это в итоге стало одним из катализаторов внутриполитического кризиса на Украине, который, в свою очередь, привел к системному кризису европейской безопасности и конфронтации между Россией и странами Запада.

На Рижском саммите 2015 г. была предпринята попытка реформировать «Восточное партнерство». Саммит определил четыре приоритетные сферы сотрудничества (укрепление экономики и системы управления в странах-партнерах; увеличение взаимосвязанности ЕС и стран-партнеров, особенно в сфере транспорта, энергетики и окружающей среды; расширение мобильности и контактов между людьми) и утвердил детальную программу действий.

В 2017 г. ЕС и Армения подписали соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве. Поскольку Армения является членом

ЕАЭС, соглашение не предусматривает создания зоны свободной торговли. Однако оно обеспечивает базу для широкого двустороннего сотрудничества и содержит перечень основных направлений его развития. В числе приоритетных в нем названы: улучшение условий взаимной торговли и инвестиционного климата в Армении; помощь в борьбе с преступностью, повышение качества госуправления, реформа судебной системы, политический диалог. Соглашение между ЕС и Арменией стало хорошим примером совместимости европейской и евразийской интеграции. Оно продемонстрировало, что государствам Восточной Европы нет необходимости выбирать между Брюсселем и Москвой; напротив, возможно поддерживать конструктивные отношения одновременно и с ЕС, и с ЕАЭС.

В настоящее время действуют подписанные в 2014 г. соглашения об ассоциации с Грузией, Молдовой и Украиной, составной частью которых являются положения о ГВЗСТ. Вступило в силу соглашение ЕС—Армения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве. Евросоюз предоставил безвизовый режим Молдове (2014 г.), Грузии и Украине (2017 г.); либерализован визовый режим с Арменией. В 2018 г. стало очевидно, что «Восточное партнерство» фактически представляет собой несколько вариантов двустороннего сотрудничества ЕС со странами региона. Украина, Молдова и Грузия декларируют намерение вступить в ЕС, Азербайджан, Армения и Белоруссия имеют иное видение сути и уровня отношений с Евросоюзом.

Отношения со странами АКТ. Отношения со странами Африки, Карибского моря и Тихоокеанского бассейна (АКТ) являются старейшим направлением внешней политики ЕС. Они — наиболее масштабный пример институционализированного сотрудничества между странами Севера и Юга. ЕС занимает первое место по объему помощи развивающимся странам.

Основа отношений была заложена в 1960-е годы Яундскими конвенциями. С середины 1970-х годов отношения регулировались четырьмя сменявшими друг друга Ломейскими конвенциями. В настоящее время действует подписанное в 2000 г. Соглашение Котону. Его ключевой целью является борьба с бедностью, на которую сориентированы все три традиционные опоры сотрудничества ЕС—АКТ: политический диалог, внешняя торговля и помощь развитию. Политический диалог должен способствовать стабилизации ситуации в странах АКТ, консолидации демократии, укреплению институтов государственной власти. Режим внешней торговли, по логике ЕС, должен способствовать повышению конкурентоспособности экономик стран АКТ, а традиционная помощь развитию должна помочь проведению необходимых реформ.

В основе политики ЕС исторически лежали как ценностные мотивы (оказание помощи развивающимся странам), так и практические интересы (обеспечение стабильных поставок сырья и не производимой в ЕС сельхозпродукции). ЕС является крупнейшим торговым партнером стран АКТ, на его долю приходится почти 30% их общего экспорта. При этом значение стран АКТ для Евросоюза постепенно снижалось; они вынуждены конкурировать за внимание и ресурсы ЕС, не имея необходимого для этого политического и экономического потенциала. Разумеется, ЕС имеет преобладающее влияние при определении направлений и приоритетов взаимодействия.

С заключением **Соглашения Котону** характер отношений между ЕС и АКТ существенно изменился. В рамках политического диалога ЕС содействует стабилизации региональных кризисов и пытается стимулировать страны АКТ к либерализации экономики и демократизации политических систем. Из 34 операций ОПБО 18 были реализованы в Африке. ЕС также активно содействует миротворческим операциям Африканского союза. В процессе политического диалога регулярно обсуждается ситуация в сфере прав человека и демократического управления. В Соглашении Котону зафиксировано право ЕС вводить санкции против государств, нарушающих права человека и демократические принципы (так называемый принцип обусловленности). ЕС активно и гибко пользуется этой возможностью, однако эффективность применения санкций различается от случая к случаю.

В сфере взаимной торговли происходит переход от односторонних преференций к взаимным обязательствам. ЕС пытается содействовать углублению интеграции в региональных группировках стран АКТ и адаптации их экономик к функционированию в условиях будущей свободной торговли с ЕС.

Система оказания финансовой помощи была перенацелена на борьбу с бедностью и усиление конкурентоспособности стран АКТ. Всего на период 2008—2013 гг. Евросоюз выделил странам АКТ около 20 млрд евро по линии Европейского фонда развития. На 2014—2020 гг. планируемый объем помощи увеличен до 33 млрд евро.

В 2010-е годы миграционный кризис и иные «выплескивающиеся» из Африки риски показали европейцам, что содействие укреплению безопасности в Африке — это не благотворительность, а одно из важнейших направлений обеспечения безопасности в Евросоюзе. В рамках действующих программ помощи все больше средств направляется на борьбу с радикализмом, наркотрафиком, транспортировкой мигрантов. ЕС активно стимулирует африканские страны наладить

контроль на границах и эффективнее противодействовать нелегальной миграции.

Политика ЕС оказывает в целом позитивный эффект на ситуацию в странах АКТ. Однако ее влияние на процессы политического и социально-экономического развития стран АКТ весьма ограничено. В последнее десятилетие Китай наращивает инвестиционную активность в Африке и конкурирует с ЕС за политическое влияние в регионе.

Отношения со стратегическими партнерами

Для Евросоюза всегда представляли сложность отношения с крупными странами, а тем более глобальными и региональными державами. В этом случае ЕС не мог выступить моделью, остро ощущал ограниченность своих внешнеполитических инструментов и отсутствие «жесткой силы». Страны-партнеры имели собственные экономические, политические и геополитические интересы, а также располагали ресурсами для отстаивания своей позиции. В свою очередь, Евросоюзу было чрезвычайно некомфортно идти на ревизию собственных регуляторных правил (*acquis communautaire*) ради их совместимости с внешними акторами. К тому же зачастую между странами ЕС отсутствовал консенсус по поводу желаемого уровня и формата отношений с такими партнерами. Двусторонние форматы зачастую доминировали над общеевропейским, а иногда между странами ЕС проявлялась конкуренция за преференциальные отношения с крупным внешним партнером.

В попытке обозначить особый статус отношений с этой группой стран Евросоюз в 1990-е годы начал использовать риторику «стратегического партнерства». Первыми статус стратегических партнеров получили союзники Европы по «западному миру» — США, Канада и Япония (1990), в конце 1990-х — крупнейшие незападные державы — Россия (1997)⁸ и Китай (1999), позднее Индия (2004), Бразилия (2007), Мексика и ЮАР (2008), Южная Корея (2010).

Эти десять стран не похожи друг на друга, тем не менее между ними есть ряд схожих черт: все они являются крупными экономиками и значимыми торговыми партнерами ЕС, глобальными или региональными державами, имеют существенное влияние на глобальное управление, в частности входят в «большую двадцатку».

Несмотря на общий статус, отношения между ЕС и этими странами существенно различаются. Каждый случай специфичен, имеет свою повестку и динамику. «Стратегическое партнерство» оказывается сосудом, который каждый раз заполняется уникальным содержанием. В этой главе рассмотрены только два кейса, наиболее значимые

и для ЕС, и для развития всей системы международных отношений: Соединенные Штаты и Китай.

Отношения с США. США на протяжении всей истории существования ЕЭС / ЕС вплоть до середины 2010-х годов последовательно поддерживали развитие европейской интеграции, хотя отдельные проекты Евросоюза вызывали в Вашингтоне раздражение.

Европейско-американские отношения всегда были гораздо шире, чем взаимодействие ЕС—США. Они развивались на многоуровневой основе: торгово-экономические отношения регулировались на площадке ГАТТ/ВТО, где была значима роль Еврокомиссии; политические — на межправительственном двустороннем уровне; партнерство в сфере безопасности функционировало на основе НАТО. А собственно отношения между ЕЭС/ЕС и США были очень ограниченными по предмету, особенно до 1990-х годов.

Несмотря на периодические разногласия, США для Евросоюза всегда были главным стратегическим партнером. Стратегия безопасности ЕС 2003 г. декларировала, что «трансатлантические связи ничем не заменить» и что, действуя сообща, ЕС и США «могут стать мощной силой на благо всего мира».

Однако сотрудничество между ЕС и США было формализовано лишь с подписанием Трансатлантической хартии в 1990 г. В настоящее время политической и институциональной основой отношений являются Трансатлантическая повестка дня (1995 г.), Трансатлантическое экономическое партнерство (1998 г.), Инициатива по развитию трансатлантической экономической интеграции и роста (2005 г.), Трансатлантический экономический совет (2007 г.) и действующие под его эгидой диалоги законодателей, потребителей и бизнеса. Всю совокупность диалогов и форматов взаимодействия между ЕС и США с середины 1990-х годов именуют Трансатлантический диалог.

Особенность взаимоотношений ЕС—США — отсутствие традиционного «большого договора». До сих пор отношения сторон основываются на политических декларациях, секторальных соглашениях либо регулируются нормами международных организаций (в первую очередь ВТО).

Помимо экономических вопросов, заметное место в отношениях США и ЕС занимало сотрудничество в таких сферах, как внутренние дела и юстиция (борьба с наркотрафиком и международной преступностью), энергетика, охрана окружающей среды, наука и технологии, образование. Осуществлялось интенсивное внешнеполитическое взаимодействие в области нераспространения ядерного оружия, урегу-

лирования региональных конфликтов, борьбы с терроризмом, кибербезопасности. В начале 2000-х годов были выработаны модальности взаимодействия в сфере безопасности по линии ОВПБ ЕС и НАТО.

Евросоюз и США — две крупнейшие экономики мира, в совокупности на них приходится около 50% мирового ВВП и 30% глобальной торговли. Вашингтон традиционно крайне негативно воспринимает крупный дефицит в торговле с ЕС, достигающий 100 млрд евро. Взаимосвязь обеих экономик особенно видна на примере взаимных инвестиций: общий объем накопленных прямых инвестиций ныне составляет 1,5 трлн евро американских инвестиций в ЕС и 1,6 трлн евро — европейских в США. С конца 1990-х годов стороны вели большую работу по снятию барьеров во взаимной торговле и сближению технических стандартов.

Торговые споры между ЕС и США, затрагивая 1–2% взаимной торговли, являются серьезным раздражителем для обеих сторон. Наиболее значимые торговые конфликты возникали по поводу торговли сельскохозяйственной продукцией, сталью, государственной помощи авиационным концернам Boeing и Airbus, нарушения правил конкуренции со стороны Microsoft.

Среди политически мотивированных особое место занимают споры, связанные с существующей в США практикой экстерриториального применения американского законодательства. К примеру, американский закон «Хелмса—Бартона» (1996 г.) создал угрозу введения вторичных санкций против всех европейских владельцев тех кубинских торговых марок, которые до победы кубинской революции принадлежали американцам. Французский банк *BNP Paribas* в 2014 г. заплатил штраф 9 млрд долл. за сотрудничество с властями Судана, Кубы и Ирана в обход введенного Вашингтоном запрета. Положение доллара США как доминирующей мировой валюты и заинтересованность европейского бизнеса в присутствии на американском рынке вынуждают компании стран ЕС тщательно взвешивать риски, связанные с нарушением законодательства США.

С 2013 г. ЕС и США вели переговоры о Трансатлантическом партнерстве в области торговли и инвестиций (ТТИП). Однако после вступления Д. Трампа в должность президента США заморозили переговоры о ТТИП. В настоящее время на основе договоренностей, достигнутых на саммите в июне 2018 г., ведутся переговоры о некоторой либерализации торговли и взаимном признании стандартов по некоторым группам товаров.

Вплоть до недавнего времени, несмотря на некоторые трения, отношения ЕС и США представляли собой подлинное стратегическое

партнерство, основанное на общих ценностях и геополитических интересах. В сфере экономики имело место сложное сочетание взаимозависимости и конкуренции в целом равных партнеров; некоторая асимметрия экономических отношений была связана с ролью доллара как мировой валюты. В вопросах безопасности европейцев вполне устраивала роль младшего партнера, что позволяло минимизировать расходы на оборону. Роль младшего партнера была комфортна еще и потому, что Европа и США схожим образом понимали базовые ценности либерального международного порядка и глобализации, что не исключало разногласий в методах и тактике. В этой связи не удивительно, что предметом сотрудничества между ЕС и США являлись не только вопросы двустороннего характера, но и попытки глобального «со-управления», создание и развитие глобальных режимов военно-политического, экономического и отраслевого характера, а также совместные усилия по управлению региональными кризисами (подробнее об эволюции трансатлантических отношений см. гл. 3).

Трансформация трансатлантических отношений. Несмотря на стратегическое партнерство, последние двадцать лет между ЕС и США неоднократно имели место ощутимые трения. Общие ценности Запада не помешали Роберту Кейгану сформулировать афоризм об «американцах с Марса и европейцах с Венеры», отражающий существующие между ними различия в оценке роли силы в международных отношениях, в приверженности односторонним многосторонним действиям, в отношении к суверенитету и международным институтам.

При Д. Трампе произошла качественная эволюция внешней политики США. В ее основе сегодня — идеи нелиберальной гегемонии (поддержание глобального военного превосходства, усиление сдерживания противников и соперников на глобальном и региональном уровнях), протекционизма в торговле (*America first*), утилитаризма во внешней политике (стремление извлечь сиюминутную прибыль из союзнических отношений и отказ от производства «глобальных общественных благ»), односторонний подход (деконструкция многосторонних и двусторонних режимов, негативизм в отношении международных организаций, если они не являются удобным инструментом). Высока вероятность, что такая эволюция внешней политики США — это не просто «казус Трампа», а долгосрочная тенденция, которая продолжится после его ухода, пусть не в столь эпатажной форме.

Для ЕС такие Соединенные Штаты становятся все менее удобным партнером. Критика Трампа в адрес НАТО заставляет европейцев задуматься о реальности предоставленных США гарантий безопасности.

В лучшем случае европейцам придется больше платить за сохранение этих гарантий, и платить за счет не только увеличения оборонных расходов, но и экономических уступок.

Выход США из Иранской сделки не просто нанес ущерб авторитету ЕС как координатора договоренностей, но также продемонстрировал несамостоятельность ЕС и его неспособность защитить европейский бизнес от угрозы вторичных санкций США за ведение дел с Ираном⁹. Выход США из Парижского соглашения поставил под вопрос эффективность «борьбы за климат» и подрывает имидж ЕС как лидера глобальной климатической политики. Эти и другие примеры свидетельствуют, что США более не готовы учитывать позицию своего «младшего» партнера даже по вопросам, имеющим для ЕС первостепенную важность. При этом Вашингтон пытается обеспечить активное участие Евросоюза в своем стратегическом противостоянии с Китаем; однако пока европейцы не видят серьезных причин следовать за США.

Протекционистская политика США и риск деградации ВТО ставят под угрозу способность Евросоюза извлекать выгоду из глобальной торговли. Способность Трампа добиваться «выгодных сделок» в торговле свидетельствует, что экономические отношения ЕС—США не так равноправны, как казалось ранее. Стремление Вашингтона навязать европейцам определенные решения в некоторых случаях очень похоже на грубое вмешательство во внутренние дела, как, например, попытки заставить Германию отказаться от строительства газопровода «Северный поток-2».

Принципиально новый контекст трансатлантических отношений создает отказ Вашингтона от поддержки европейского интеграционного проекта. Напротив, администрация Трампа последовательно работает на ослабление единства ЕС. В январе 2019 г. Вашингтон демонстративно понизил статус представительства ЕС в США с уровня посольства суверенного государства до уровня представительства международной организации.

В этих условиях все чаще из уст европейских политиков звучат заявления о необходимости обеспечения стратегической автономии ЕС. В частности, после отказа Трампа подписать коммюнике саммита «большой семерки» в Квебеке А. Меркель подчеркнула, что в ЕС больше не могут «просто полагаться» на США. Однако очевидно, что даже в совокупности европейские государства не обладают в военной сфере потенциалом, сопоставимым с американским. Способность европейцев качественно нарастить оборонный потенциал вызывает сомнения. Зависимость от Вашингтона в области стратегических вооружений и «ядерного зонтика» практически непреодолима.

Следует понимать, что **стратегическая автономия** — это не только способность действовать самостоятельно в случаях, когда отсутствует заинтересованность США. В некоторых ситуациях стратегическая автономия требует активных действий, идущих вразрез с политикой Вашингтона. Но для Евросоюза крайне сложно выработать единую политику, направленную на противодействие отдельным решениям США. Традиционно отношения европейских стран с США работают не на объединение, а на раскол ЕС. Значительное число стран-членов полагают, что они имеют привилегированные отношения с США; пока они не готовы пожертвовать этими отношениями ради европейского единства.

Асимметрия всегда была фундаментальной характеристикой трансатлантических отношений. Ранее эта асимметрия смягчалась общими ценностями и стратегическими интересами, обеспечивавшими единство Запада. Кроме того, для европейцев как младших партнеров большое значение имела готовность Вашингтона учитывать их позицию. В настоящее время отношения между партнерами проходят сложный этап реформирования. Стратегическая зависимость от США в сфере безопасности будет вынуждать ЕС идти на определенные, хотя и ограниченные, уступки политического и экономического характера. За сохранение гарантий безопасности европейцы могут быть вынуждены платить следованием в кильватере политических решений США, ограничением экономических связей с «нежелательными» для Вашингтона партнерами и невыгодными торговыми сделками. Как долго продлится эта ситуация и насколько велики будут уступки — во многом зависит от готовности Евросоюза работать над достижением стратегической автономии и наличия необходимых ресурсов.

Отношения с Китаем. Дипломатические отношения между ЕС и Китаем были установлены в 1975 г. Первым крупным договором между сторонами стало подписанное в 1985 г. Соглашение о торговле и сотрудничестве. В 1999 г. ЕС и Китай декларировали начало стратегического партнерства, а в 2003 г. повысили статус отношений до всеобъемлющего стратегического партнерства.

Цели и направления современного этапа сотрудничества установлены в «Стратегической повестке ЕС—КНР — 2020», согласованной в 2013 г. Документ зафиксировал, что стороны рассматривают современную систему международных отношений как многополярную и намереваются интенсифицировать взаимодействие в сфере международной безопасности, развивать политический диалог, углублять взаимодействие по вопросам торговли и инвестиций.

В 2000-е и в начале 2010-х годов Евросоюз надеялся на трансформацию политической системы Китая. Понимая ограниченность собственных возможностей, ЕС рассчитывал не столько на политический диалог и прямые меры поощрения демократизации в Китае, сколько на «естественную» взаимосвязь между экономическим и политическим развитием. В этой связи ЕС всячески поддерживал рыночные реформы и интеграцию Китая в мировую экономику. Членство Китая в ВТО (с 2001 г.) Брюссель рассматривал как стимул либерализации экономики Китая и рассчитывал на долгосрочные политические последствия. В рамках этой стратегии ЕС сочетал вовлечение Китая в экономическое сотрудничество и с критическим диалогом по сложным политическим вопросам и мягкими пожеланиями политической либерализации. При этом ЕС старался, чтобы существующие политические разногласия минимально раздражали Китай.

Однако сегодня очевидно, что развитие рыночных начал в экономике и большая открытость Китая не повлекли демократических трансформаций в западном понимании. В Китае сохраняется устойчивая авторитарная политическая система с лидирующей ролью коммунистической партии и специфическим пониманием прав человека.

Евросоюз вынужден адаптировать свою политику с учетом усиления экономического и политического влияния Китая. Баланс между стремлением трансформировать Китай и расширять конструктивное взаимодействие смещается в пользу последнего. Это изменение заметно в тексте последнего концептуального документа ЕС — «Элементы новой стратегии ЕС в отношении Китая» 2016 г.

В документе отмечается: «Взаимодействие ЕС с Китаем должно быть принципиальным, практическим и прагматическим, соответствовать его интересам и ценностям». В тексте документа нет ни слова о политических реформах, о продвижении демократии в Китае не упоминается. Правам человека посвящен один короткий абзац: в аккуратных формулировках указано, что ЕС будет настаивать на соблюдении уже принятых Китаем международных обязательств в этой области. Со своей стороны, Китай традиционно заявляет, что диалог по правам человека должен вестись на основе равенства и взаимного уважения и что Евросоюзу следует «воздержаться от вмешательства во внутренние дела Китая и его юридический суверенитет во имя прав человека».

Стратегическое партнерство между ЕС и Китаем реализуется на основе плотной сети институционализированных контактов. Проводятся ежегодные саммиты на высшем уровне. С 2010 г. осуществляется Стратегический диалог высокого уровня по политическим вопросам.

Стороны ведут более 30 секторальных диалогов. В 2015 г. учреждена «Платформа сопряжения ЕС—Китай», в рамках которой обсуждаются вопросы увязки инфраструктурных проектов китайской инициативы «Один пояс — один путь» и европейских проектов на территории ЕС и за его пределами.

В концептуальном документе ЕС 2016 г. детально прописаны три сферы взаимодействия: регулирование экономического сотрудничества и содействие экономическим реформам в Китае; сотрудничество по вопросам внешней политики и безопасности; взаимодействие в области глобального управления. На практике присутствует и четвертое направление: защита от нежелательной экономической экспансии Китая и его политического влияния на внутриевропейские дела.

Экономика. Евросоюз является крупнейшим торговым партнером Китая, а Китай — вторым торговым партнером ЕС. В 2017 г. их торговый оборот превысил 580 млрд евро, при этом ЕС имеет дефицит более 170 млрд евро. Торговые и инвестиционные отношения развиваются очень динамично, хотя и порождают определенные разногласия.

ЕС полагает, что его рынок открыт для китайских производителей и инвесторов в гораздо большей степени, чем китайский — для европейского бизнеса. В связи с этим Брюссель настаивает на взаимности как основе экономического сотрудничества. В свою очередь, Китай продолжает позиционировать себя как «крупнейшую развивающуюся экономику» и на этом основании осторожно подходит к либерализации своей внешнеэкономической политики.

Китай последовательно добивается от ЕС статуса страны с рыночной экономикой, что ограничило бы возможности ЕС применять антидемпинговые меры. В последнее десятилетие китайский бизнес активно инвестирует в экономику ЕС, прежде всего с целью получить доступ к критическим технологиям четвертой промышленной революции.

В 2013 г. по инициативе ЕС стороны начали переговоры о Всеобъемлющем соглашении по инвестициям, хотя Китай больше заинтересован в создании зоны свободной торговли, что снизило бы эффективность применяемых ЕС защитных мер. Евросоюз готов начать переговоры о ЗСТ лишь после проведения «необходимых экономических реформ в Китае» (имея в виду прежде всего доминирование госсектора).

При том что экономическая открытость Китая увеличивается, модернизация промышленности идет гораздо быстрее. Поэтому конкурентоспособность высокотехнологичных китайских производств увеличивается гораздо более высокими темпами, нежели темпы сближения регуляторной среды в Китае в соответствии с либеральными

правилами. Бизнес развитых стран более не может мириться с существованием в Китае тех форм протекционизма и господдержки, которым ранее не придавал значения.

Внешиполитическое сотрудничество. Китайская Стратегия политики в отношении ЕС 2018 г. отмечает: «Несмотря на различия в истории, культуре, социальных системах и уровне развития, Китай и ЕС не имеют стратегических конфликтов, напротив, [сферы] взаимопонимания гораздо обширнее, чем [сферы] разногласий». Евросоюз, в свою очередь, расценивает рост экономического, политического, геополитического и отчасти военного влияния Китая как объективный процесс и пытается «направить активность Китая в позитивные сферы».

Однако географическая удаленность обоих акторов ведет к несопадению их региональных приоритетов. Таким образом, практическое взаимодействие возможно преимущественно по тем вопросам региональной безопасности, которые имеют глобальное значение (например, Корейская ядерная проблема или Иранская сделка). Стороны также ведут регулярные консультации по вопросам разоружения, нераспространения, борьбы с терроризмом и безопасности в киберпространстве. Но потенциал взаимодействия по вопросам внешней политики, особенно безопасности, ограничен фактором США, которые являются стратегическим партнером ЕС и стратегическим конкурентом (а в ряде аспектов — противником) Китая.

Глобальное управление. В последнее десятилетие активизировалось взаимодействие ЕС и Китая по широкому кругу вопросов глобального управления. Сотрудничество основано на приверженности обеих сторон принципу эффективного мультилатерализма. В связи с агрессивной протекционистской политикой администрации Трампа именно ЕС и Китай в последние годы выступают защитниками экономической глобализации и либеральной торговли. Обе стороны заинтересованы в поддержании международной системы, основанной на общих правилах и институтах. Впрочем, эта приверженность не мешает Китаю игнорировать неприемлемые для него международные нормы и режимы. Европейцы рассчитывают убедить Китай в рациональности собственных подходов к различным аспектам глобального управления, «поженить опыт [ЕС] и ресурсы Китая».

Обе стороны признают особую роль ООН в системе международных отношений и ведут интенсивные консультации по реформе ООН. В противовес протекционистской политике США Евросоюз и Китай активно выступают в поддержку ВТО как института, формирующего правила мировой торговли; они ведут консультации по вопросу реформы ВТО.

В конце 2018 г. они совместно с рядом других стран подали иск против США о неправомерности введения пошлин на сталь и алюминий.

Несмотря на различие в подходах, стороны активно сотрудничают в реализации Парижского соглашения и по иным направлениям сокращения выбросов парниковых газов, например в области развития возобновляемой энергетики. Идет эффективное взаимодействие по различным аспектам международного сотрудничества в области устойчивого развития (лесное и водное хозяйство, защита биоразнообразия, ограничение загрязнения окружающей среды). Ведутся регулярные консультации в сфере охраны и использования ресурсов Мирового океана.

«Защита» от Китая. В последнее время в политике ЕС в отношении Китая стал заметен защитный компонент, имеющий как экономическое, так и политическое содержание. Сегодня китайское присутствие внутри Евросоюза становится все более ощутимым. Свидетельство тому — не только большой торговый дефицит ЕС, но также китайские инвестиции, займы, покупка активов и участие в инфраструктурных проектах в Европе.

При этом отношение Китая к Евросоюзу как актору двойственно. Даже на уровне официальных документов Пекин, говоря о Евросоюзе, имеет в виду «развитие отношений с институтами ЕС, государствами-членами и другими европейскими странами». На практике для Китая гораздо комфортнее формат двусторонних отношений со странами ЕС; так эффективнее решать вопросы крупных инвестиционных и инфраструктурных проектов. Особое раздражение в Брюсселе и столицах Западной Европы вызывает функционирующий с 2012 г. формат 16+1, который объединяет Китай и 16 стран Центральной и Восточной Европы.

Такой подход уже дает плоды: страны—реципиенты китайских инвестиций успешно блокируют в ЕС осуждающие Китай резолюции о правах человека или ситуации в Южно-Китайском море. Впрочем, лидеры западноевропейских стран также охотно развивают двусторонние контакты и конкурируют за внимание Пекина.

Впрочем, в сфере экономики Евросоюз способен общими усилиями противодействовать «нежелательной» с его точки зрения экономической активности Пекина. При вступлении Китая в ВТО Евросоюз (как и США) обязался до 2017 г. предоставить Китаю статус рыночной экономики. Однако до сих пор ЕС (как и США) продолжает применять запретительный антидемпинговый режим против китайских товаров, ссылаясь на то, что в Китае доминирует государственный сектор. В 2016 г. ЕС начал разработку инструмента скрининга китайских ин-

вестиций, позволяющего запрещать сделки по политическим мотивам, а также для защиты критических технологий.

Европейский союз и Китай имеют существенно различающиеся позиции по базовым политическим ценностям и зачастую не совпадающие геополитические интересы. За лозунгами о приверженности многополярности скрыты глубокие различия в целях и методах реализации внешней политики.

В основе эффективного взаимодействия последнего десятилетия лежит экономическая взаимодополняемость, удаленность друг от друга самих акторов и регионов их приоритетного внимания, подчеркнуто уважительное отношение европейцев к растущему азиатскому гиганту. Это позволяет Евросоюзу, взяв на вооружение лозунги реализма и прагматизма, реализовывать «позитивную повестку партнерства при конструктивном управлении различиями».

В повестке отношений ЕС–Китай можно выделить три группы вопросов. Есть вопросы «невозможные», такие как права человека. Китай последовательно отвергает европейский подход в этой области и принимает международно-правовые обязательства, лишь когда это соответствует его интересам. Есть вопросы сложные, в частности взаимодействие в рамках ООН для обеспечения глобальной безопасности или выработка общих подходов к глобальным проблемам, например климату. Есть вопросы «для торговли», где Китай, хоть и является сложным переговорщиком, не менее европейцев заинтересован в выработке общих правил (это, прежде всего, торговля и инвестиции).

Проект «Один пояс — один путь» имеет огромное геополитическое значение. По существу, Китай намечает путь формирования альтернативной модели глобализации и политического мироустройства. Перед Евросоюзом постепенно встает сложная стратегическая развилка. США будут подталкивать ЕС к полномасштабному участию в американо-китайском стратегическом противостоянии. Продолжая политику прагматизма, Евросоюз в долгосрочной перспективе может оказаться в «мире китайских правил». А для более эффективного влияния на траекторию развития Китая и его внешнеполитические проекты Евросоюзу потребуются принципиально иная степень политической интеграции и стратегической автономии.

Отношения с Россией. Отношения с Россией представляют особый случай. Несмотря на риторику стратегического партнерства, Брюссель выстраивал отношения с Москвой как с ведомым партнером, рассчитывая на трансформацию России согласно экономическим и политическим нормам ЕС и ее встраивание в периферию собственного

интеграционного проекта. Такой подход сформировался в 1990-е годы, когда Россия сама проходила через череду сложных внутренних реформ, шел процесс осознания национальных интересов и ощущалась нехватка ресурсов для проведения активной внешней политики. Позднее, столкнувшись с нарастающей активностью и уверенностью Москвы, Евросоюз оказался не способен отказаться от стратегии «ведущий—ведомый». Россия, в свою очередь, отказалась от роли ведомого и стала добиваться признания собственной акторности, постепенно переходя ко все более жестким способам отстаивания своих интересов. Это стратегическое разногласие о сути взаимоотношений сторон породило спираль все более нарастающих противоречий, которые в 2014 г. привели к глубокому системному кризису.

После распада Советского Союза в 1991 г. ЕЭС/ЕС признал Россию правопреемницей СССР и на протяжении 1990-х годов оказывал содействие проводимым в России политическим и экономическим реформам.

Политический фундамент и правовую базу для долгосрочного сотрудничества между Россией и ЕС заложило подписанное в 1994 г. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). На основе СПС был учрежден регулярный политический диалог по двусторонним вопросам и глобальной повестке. Стороны согласовали режим наибольшего благоприятствования в торговле. СПС наметило широчайшую программу экономического сотрудничества, охватывающую более 30 отраслей. Предусматривалось развитие культурного взаимодействия и связей между людьми.

СПС вступило в силу в декабре 1997 г. Лишь после этого, в конце 1990-х годов, стороны приступили к осмыслению перспектив взаимодействия. Стратегия ЕС была утверждена летом 1999 г.; именно в ней отношения с Россией были названы стратегическим партнерством. В конце 1999 г. Россия, в свою очередь, представила «Стратегию развития отношений РФ с ЕС на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.)». Эти документы отразили различие взглядов на будущее отношений: Брюссель намеревался продолжать политику содействия экономической и политической трансформации России, а Москва стремилась к равноправному сотрудничеству.

Двойственность политики ЕС вытекала из двойственного восприятия России. С одной стороны, Россия признавалась стратегическим партнером, сотрудничество с которым было необходимо для формирования стабильной системы безопасности и экономического сотрудничества в Европе, а также для эффективного управления глобальными

вызовами. С другой стороны, Россию воспринимали как ведомого, как страну, которую следует трансформировать в соответствии с политическими и экономическими правилами Евросоюза и найти ей место на периферии ЕС-центрического пространства Европы.

В первой половине 2000-х годов Россия и ЕС приняли на высшем уровне несколько решений и программ долгосрочного характера, призванных наполнить концепцию стратегического партнерства конкретным содержанием. Особое значение имели принятые в 2005 г. дорожные карты по четырем общим пространствам России и ЕС: экономическому; внешней безопасности; свободы, безопасности и правосудия (внутренней безопасности); науки, образования и культуры. Следует отметить интеграционную идеологию этих документов — в них речь шла не просто о сотрудничестве, а о создании общих пространств с гармонизированными (или, как минимум, совместимыми) регулятивными практиками и техническими стандартами.

К середине 2000-х годов сформировалась многоуровневая институциональная система сотрудничества. Дважды в год проходили саммиты на высшем уровне, ежегодно собирался Совет Россия—ЕС в формате Правительство ЕС — Европейская комиссия. С 2003 г. функционировал Постоянный совет партнерства в формате отраслевых министров. Регулярный Политический диалог функционировал на уровне министров иностранных дел. Помимо этого, работали 18 отраслевых диалогов (преимущественно в сфере экономики), которые вели профильные министерства России и соответствующие гендиректораты Еврокомиссии.

За два десятилетия сотрудничества сложилась достаточно развитая система торгово-экономических отношений Россия—ЕС. В начале 2010-х годов Россия занимала третье место в списке торговых партнеров ЕС, уступая только США и Китаю; ее доля выросла до 7% экспорта ЕС и 11% импорта. На ЕС приходилось чуть более половины внешнеторгового оборота России и около 70% накопленных иностранных инвестиций. Экономические отношения Россия—ЕС можно охарактеризовать как асимметричную взаимозависимость. Одной из важнейших сфер взаимодействия традиционно являлась энергетика. Однако с конца 2000-х годов она становится сферой острых разногласий. Регионы Северо-Запада России участвовали в многочисленных проектах приграничного сотрудничества. На микроуровне сформировалась плотная сеть деловых контактов, большое число россиян посещали страны ЕС с туристическими и образовательными целями.

Довольно успешно развивалось сотрудничество в сфере внутренних дел и правосудия. Стороны смогли согласовать упрощение визо-

вого режима. Активно проводились мероприятия в сфере борьбы с терроризмом и трансграничной преступностью. В то же время Брюссель по политическим соображениям так и не предоставил России обещанный безвизовый режим, несмотря на выполнение Москвой всех технических требований.

В вопросах внешней политики и международной безопасности Россия и ЕС в 2000-е годы декларировали близкие стратегические цели и интересы. Однако на практике политический диалог России и ЕС на протяжении всей истории отношений был недостаточно результативен.

Но практическое сотрудничество не могло компенсировать **отсутствия общего стратегического видения**. Переговоры по новому базовому соглашению взамен СПС к 2011 г. зашли в тупик. Инициированное в 2010 г. Партнерство для модернизации не оказало ощутимого влияния на развитие отношений.

Во второй половине 2000-х годов стал нарастать **конфликтный потенциал**, связанный с разногласиями по широкому кругу политических (и в меньшей степени экономических) вопросов стратегического характера. Неблагоприятный контекст создавали острые разногласия между Россией и странами Запада по вопросам обеспечения европейской безопасности. Вооруженное вмешательство в Ливии в 2011 г. критическим образом подорвало уже весьма хрупкое доверие Москвы к лидерам США и европейских стран.

В свою очередь, Запад все активнее обвинял Россию в стремлении восстановить свою зону влияния на постсоветском пространстве, в использовании мер экономического давления на соседние страны (торговые эмбарго, прекращение поставок энергоносителей). Война в Южной Осетии и Абхазии 2008 г. была использована для подтверждения агрессивных намерений Москвы. На фоне сталкивающихся интересов с начала 2010-х годов ЕС все чаще критикует Россию за отход от демократических ценностей и нарушения прав человека.

Постепенно оформилось системное противоречие интересов на пространстве «пересекающегося соседства», которое превратилось в пространство геополитической конкуренции. Действия ЕС, и особенно некоторых стран-членов, во время «оранжевых революций» в Грузии (2003) и на Украине (2004) были восприняты в Москве как нацеленные на подрыв позиций России в регионе. Инициированное в 2008 г. «Восточное партнерство» было воспринято как мягкая, но напористая политика трансформации стран региона и их вовлечения в зону влияния ЕС.

За 20 лет Россия и ЕС сформировали солидную правовую, политическую и институциональную базу отношений, успешно развивали сотрудничество по широкому кругу направлений. Однако стороны так и не смогли ни выработать общее понимание стратегических целей, ни создать устойчивую атмосферу взаимного доверия. Европейский союз надеялся на эффект социализации, который приведет российское общество, бизнес и власть к конвергенции с европейскими стандартами и ценностями. Москва же настаивала на равноправном политическом сотрудничестве при сохранении суверенитета, на учете ее интересов при формировании правил экономического сотрудничества. Благодаря становлению эффективной вертикали власти и высоким темпам экономического роста в 2000-е годы Москва получила ресурсы для более активного отстаивания своих интересов. Евросоюз оказался не готов адаптировать свою политику к новой реальности и все больше выражал недовольство в связи с отказом России вести себя «по-европейски». Основными причинами такой политики ЕС стали уверенность в превосходстве своей политической и экономической модели и неверие в то, что экономический рост в России может носить устойчивый и долгосрочный характер без качественной модернизации экономики.

Украинский кризис 2013–2014 гг. кардинально изменил отношения между Россией и Евросоюзом. Россия возложила на ЕС существенную долю политической ответственности за вооруженную смену власти в Киеве, спровоцировавшую вооруженный конфликт на Донбассе. Евросоюз, после вхождения Крыма в состав РФ и эскалации конфликта на Юго-Востоке Украины, обвинил Россию в незаконной аннексии Крыма и гибридной войне против Украины.

Политические отношения между Россией и ЕС оказались практически полностью заморожены, экономические — существенно деградировали. Евросоюз в несколько этапов ввел против России односторонние санкции. Россия в ответ ввела контрсанкции — эмбарго на импорт продовольственной продукции. Эти меры, а также рост политических рисков привели к обвальному падению взаимных инвестиционных и торговых потоков.

Украинский кризис в чрезвычайно острой форме выявил все скрытые напряжения, нараставшие в отношениях между Россией и ЕС предыдущее десятилетие, сделал явными системные дефекты европейской архитектуры безопасности и стал поводом для серьезной эскалации напряженности в Европе.

В 2016 г. ЕС обнародовал пять принципов политики в отношении России. Суть этих принципов: избирательное сотрудничество с Мо-

сковой при продолжении прежней политики на постсоветском пространстве и поддержке проевропейского гражданского общества внутри России. Указанные принципы были встречены в Москве без энтузиазма.

Россия не только на уровне деклараций, но и активными действиями продемонстрировала готовность противостоять доминированию стран Запада в международных отношениях. В свою очередь, Запад начал всестороннюю кампанию давления на «ревизионистскую» державу, обвинив ее во всех возможных грехах, включая поддержку антисистемных политиков в Европе, вмешательство в выборы в США, диверсии в киберпространстве и т.п.

Москва последовательно отвергает обвинения Евросоюза (и в целом стран Запада) в аннексии Крыма и считает надуманными заявления о гибридной войне и попытках дестабилизации стран Запада. Москва надеется строить долгосрочные отношения с ЕС в русле прагматичного сотрудничества, не рассчитывая на масштабные прорывы.

В среднесрочной перспективе значение России для Европейского союза будет определяться двумя факторами. *Во-первых*, восприятием России как источника геополитических рисков (в данном контексте восприятие даже важнее реального состояния дел). *Во-вторых*, сохранением за Россией роли крупнейшего поставщика энергоресурсов.

С учетом ограниченности ресурсов и различия национальных позиций европейцы будут вынуждены смириться с тем, что США определяют интенсивность и динамику стратегического противостояния с Россией. Евросоюз, вероятнее всего, не будет активно участвовать в проводимой Вашингтоном эскалации напряженности, но и не сможет предложить какую-либо альтернативу. Конструктивные отношения, вероятнее всего, будут ограничены элементами избирательного сотрудничества и взаимодействием на уровне гражданского общества.

В целом политика ЕС в отношении России будет основана на стратегическом ожидании. Действия ЕС после периода ожидания будут зависеть от способности системы госуправления в России обеспечить опережающее экономическое развитие и динамическую внутривнутриполитическую стабильность, а также от того, как трансформация мирового порядка повлияет на свободу действий ключевых международных акторов.

Примечания

¹ Лиссабонский договор 2007 г. переименовал ее в Общую политику безопасности и обороны (ОПБО).

² В момент сдачи рукописи было неясно, на каких условиях состоится выход Великобритании из ЕС и не будет ли он отложен.

³ До Лиссабонского договора именовалась Европейская политика безопасности и обороны (ЕПБО), однако для простоты в данной главе используется только аббревиатура ОПБО.

⁴ В США оборонные расходы составляют 3,5% ВВП.

⁵ После ожидаемого выхода Великобритании Евросоюз по объемам внешней торговли уступит Китаю и США.

⁶ С точки зрения международного права санкциями являются лишь меры, принимаемые на основе резолюций Совета Безопасности ООН. Все прочие ограничительные меры, например введенные против России в связи с так называемой «аннексией» Крыма, являются нелегитимными. Однако использование односторонних санкций со стороны крупнейших игроков (прежде всего США и ЕС) в последние десятилетия стало распространенной практикой.

⁷ Партнерство для мобильности — политическое соглашение, в рамках которого отдельные страны ЕС либерализуют для граждан страны-партнера условия въезда и трудоустройства. Страна-партнер, в свою очередь, обязуется усилить охрану своих границ и контроль за нелегальной эмиграцией в Европу.

⁸ ЕС заморозил стратегическое партнерство с Россией в 2014 г.

⁹ К началу 2019 г. не было заметно никаких практических шагов по созданию обещанного специального механизма расчетов с Ираном.

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте основные особенности внешней политики ЕС.
2. В чем суть концепции «нормативной силы/державы»? Что позволяло квалифицировать ЕС в качестве нормативной силы?
3. Какие основные изменения во внешней политике зафиксировала Глобальная стратегия ЕС 2016 г.?
4. Каковы основные задачи ОВПБ ЕС? Почему ОВПБ нельзя назвать общей оборонной политикой?
5. Каким образом ЕС использует потенциал торговой политики для достижения внешнеполитических целей?
6. Каким образом миграционный кризис 2010-х годов изменил цели миграционной политики ЕС и ее взаимосвязь с внешней политикой?
7. Каковы были основные задачи ЕС в отношениях с «ведомыми» партнерами?
8. Какие факторы определяют способность ЕС стимулировать трансформацию стран-партнеров?
9. Почему ЕС в последнее десятилетие уменьшил активность по продвижению демократии и прав человека в Китае?
10. Как развивается взаимодействие ЕС—Китай в области глобального управления?
11. Почему Россия и ЕС не смогли в 2000-е годы выработать общие цели и стратегию отношений? Как отличалось мнение сторон в этом вопросе?
12. Какие факторы привели к тому, что пространство СНГ превратилось в арену геополитического противостояния между ЕС и Россией?

Литература

Обязательная

Борко Ю. А. Европейский союз — Россия: прошлое, настоящее, будущее // Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Под общ. ред. Ал. А. Громыко и М. Г. Носова. М.: Весь Мир, 2015. С. 60–92.

Европейская интеграция: Учебник. 2-е изд. / Под ред. О. В. Буториной, Н. Ю., Кавешникова. М.: Аспект Пресс, 2016. Разд. IV: ЕС в системе международных отношений; Раздел V. Сотрудничество России и ЕС.

Европейский Союз в XXI веке: время испытаний. / Под ред. О. Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н. Ю. Кавешникова, Н. Б. Кондратьевой. М.: Весь Мир, 2012. Гл. 10, 12–19, 20–22, 26.

Кавешников Н. Ю., Матвеевский Ю. А. Европейский союз: история, институты, политика: Учебник / Под ред. Н. Ю. Кавешникова. М.: Аспект Пресс, 2017.

Дополнительная

Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко. М.: Деловая литература, 2006.

Тэвдой-Бурмули А. И. «Велосипедист на болоте»: уроки и перспективы расширения ЕС в XXI веке // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4 (31). С. 106–112.

Hill C., Smith M. International Relations and the European Union. Oxford: Oxford University Press. Любое издание.

Liik Kadri. Winning the normative war with Russia. An EU-Russia power audit. ECFR, 2017.

Manners Ian. The Concept of Normative Power in World Politics // DIIS BRIEF. May 2009. URL: <http://www.diis.dk/sw77975.asp>.

Normative Power Europe. Empirical and Theoretical Perspectives / Ed. by R. C. Whitman. Palgrave Macmillan, 2011.

Shapiro Jeremy & Pardijs Dina. The transatlantic meaning of Donald Trump. A US–EU power audit. ECFR, 2017.

The EU and the world: players and policies post-Lisbon. A handbook / Ed. by A. Missiroli. EUISS, 2016.

The EU Global Strategy: Implications for Russia / Ed. by Olga Potemkina. Institute of Europe RAS; Egmont — The Royal Institute for International Relations. М., 2017.